

ННТДАНОНМЕМУАРЫ ПОД ГРИФОМ
ИЕ5789ННТДВСВ1МД2НД<С Е К Р Е Т Н О>НТЕ0015709ННН503Р5709

ВЛАДИМИР СЕМИЧАСТНЫЙ

СПЕЦСЛУЖБЫ СССР В ТАЙНОЙ ВОЙНЕ

Мемуары под грифом «секретно»

Владимир Семичастный

Спецслужбы СССР в тайной войне

«Алисторус»

2016

УДК 355.40(47+57)
ББК 67.401.212

Семичастный В. Е.

Спецслужбы СССР в тайной войне / В. Е. Семичастный —
«Алисторус», 2016 — (Мемуары под грифом «секретно»)

ISBN 978-5-906861-85-6

Владимир Ефимович Семичастный, партийный и государственный деятель, председатель КГБ в 1961–1967 годах, был из числа «молодых реформаторов», заявивших о себе во времена «оттепели» и смещенных с политического олимпа в эпоху «застоя». Первый из руководителей КГБ, кто регулярно встречался с ценными агентами советской внешней разведки, и единственный, кто в своих мемуарах подробно рассказал о работе разведчиков-нелегалов. А еще о том, как удалось избежать трансформации Карибского кризиса в третью мировую войну и какую роль в этом сыграла советская внешняя разведка. Оценивая работу разведок, противостоявших друг другу в разгар «холодной войны», он не только сравнивает их профессиональную эффективность, но и задается более глубокими вопросами – о том, морален ли шпионаж вообще, и чем государству и личности приходится платить за проникновение в чужие тайны.

УДК 355.40(47+57)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906861-85-6

© Семичастный В. Е., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Предисловие	5
Государственная безопасность СССР при Шелепине и Семичастном	5
От автора	30
Начало пути	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Семичастный

Спецслужбы СССР в тайной войне

Предисловие

Государственная безопасность СССР при Шелепине и Семичастном

*Прошедшее дает цену и указывает место настоящему, определяя
дорогу для будущего.*

*И.В. Кириевский, эпиграф журнала «Русский архив», издававшегося
с 1858 по 1917 год*

Должны ли мы, хотим ли мы знать историческую правду? ПРАВДУ об истории нашей страны? Вопрос этот, как представляется, вовсе не риторический.

Большая часть предлагаемых вниманию читателей воспоминаний Владимира Ефимовича Семичастного (1924–2001) посвящена годам его пребывания на посту председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР, что он считал высшей точкой своей партийно-государственной карьеры. Однако, рассказывая об этом периоде истории нашей страны, автор мемуаров порой допускает ряд неточностей, недосказанностей, как способных ввести современного читателя в заблуждение, так и не дающих ответа на закономерно возникающие у него вопросы. А некоторые упоминаемые в мемуарах события и факты нуждаются в разъяснениях и комментариях.

В этой связи издатели посчитали целесообразным предварительно познакомить читателей с некоторыми событиями, фактами и обстоятельствами, предшествовавшими описываемым Владимиром Ефимовичем либо лишь вскользь упоминаемым мемуаристом.

13 марта 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ об образовании КГБ при Совете министров СССР.

Сам текст Указа был предельно лаконичен:

«Образовать Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР.

Председатель Комитета входит в состав Совета министров с правом решающего голоса».

Первым председателем КГБ был назначен генерал-полковник Иван Александрович Серов, бывший до этого заместителем министра внутренних дел СССР. Без сомнения, главную роль в этом назначении сыграла его совместная работа на Украине в 1939–1941 гг. с будущим Первым Секретарем Центрального Комитета КПСС (1953–1964 гг.) Никитой Сергеевичем Хрущевым.

В решении Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза была сформулирована и главная для нового государственного ведомства задача: «В кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берия¹ в органах государственной

---

¹ Берия Лаврентий Павлович (1899–1953), маршал Советского Союза с 9 июля 1945 г. Участвовал в революционном движении с 1917 г. В 1921–1931 гг. занимал ряд ответственных постов в органах госбезопасности Азербайджана и Грузии, в 1931–1938 гг. – первый секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии. С 22 августа 1938 г. – первый заместитель народного комиссара внутренних дел СССР, с 25 ноября 1938 по 29 декабря 1945 г. – нарком внутренних дел СССР, в 1941–1945 гг. – член Государственного комитета обороны. С января 1946 г. – заместитель Председателя Совета министров СССР. Одновременно с 5 марта 1953 г. совмещал этот пост с постом министра внутренних дел СССР. 26 июня 1953 г. арестован на заседании Президиума ЦК КПСС. В декабре 1953 г. осужден и приговорен к высшей мере наказания за «совершение ряда

безопасности и добиться превращения органов госбезопасности в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей»². Это решение, как и многие последующие инициативы и заявления Н.С. Хрущева, было продиктовано опасениями и подозрениями в отношении органов госбезопасности, по его мнению недостаточно «очистившихся от «бериевцев» и недостаточно охваченных «партийным влиянием и контролем».

Следует, однако, подчеркнуть, что образование КГБ при СМ СССР знаменовало собой действительно серьезный шаг по утверждению законности в нашей стране, хотя сам принцип законности неотделим от существующей системы права, имеющегося законодательства.

На момент образования КГБ его органы в своей деятельности должны были руководствоваться уголовными кодексами Союзных республик СССР 30-х годов. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической республики (УК РСФСР), например, был принят еще 5 марта 1926 г. Непосредственно органы госбезопасности должны были руководствоваться диспозициями составов «контрреволюционных преступлений», предусмотренных печально известной статьей 58. Она имела 18 частей – различных составов преступлений: от измены Родине, шпионажа, диверсии, вредительства, террора (терроризма) до антисоветской агитации и пропаганды (статья 58.10). В этой связи представляется необходимым отметить, что и поныне некоторые публицисты и исследователи ошибочно либо сознательно отождествляют КГБ с его оставившими по себе недобрую память историческими предшественниками – НКВД – НКГБ и МГБ СССР.

Почему же во второй половине XX века КГБ СССР считался – и вполне заслуженно считался! – одной из сильнейших спецслужб мира?

Основная причина этого заключена, на наш взгляд, в его структуре и функциях, объединявших многие направления обеспечения безопасности страны – разведку, контрразведку, военную контрразведку, борьбу с терроризмом, диверсиями и вредительством, охрану государственных тайн и государственных границ СССР, раскрытие и расследование преступных посягательств, что создавало организационные, функциональные и управленческие предпосылки для достижения максимального аккумулирующего результата вследствие известного синергетического эффекта.

Следует, однако, также подчеркнуть, что образование КГБ при СМ СССР сопровождалось тяжелой «родовой травмой» – раскрытием многочисленных фактов нарушений законности, вершившихся его историческими предшественниками – НКВД, НКГБ и МГБ в 1930 – начале 1950-х годов, вскрывшихся в 1953–1955 гг., еще задолго до известного «секретного» доклада Н.С. Хрущева перед делегатами XX съезда КПСС 25 февраля 1956 г.

Сразу после сообщения об аресте Л.П. Берии как «врага народа» (сообщение появилось в печати только 10 июля 1953 г.) в органы прокуратуры и ЦК КПСС стали поступать многочисленные заявления и жалобы осужденных и их родственников по поводу пересмотра уголовных дел и применения незаконных методов в процессе ведения следствия.

В записке в Президиум ЦК от 19 марта 1954 г. Прокурора СССР Р.А. Руденко и министра внутренних дел С.Н. Круглова отмечалось, что с августа 1953 по 1 марта 1954 г. в органы прокуратуры поступило 78 982 обращения граждан с ходатайствами о пересмотре их уголовных дел, в связи с чем предлагалось создать специальную комиссию по пересмотру дел осужденных, в том числе – и за «контрреволюционные» преступления. В этой записке также сообщалось, что в данный момент времени в лагерях, колониях и тюрьмах содержалось 467 946 осужденных за «контрреволюционные преступления» граждан, немалую долю среди которых

антигосударственных преступлений». Не реабилитирован. Подробнее см.: Хлобустов О.М. КГБ СССР: 1954–1991 гг. Тайны гибели Великой державы. М., 2012, с. 35–62.

² Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник. Документы. М., 2003. М., с. 151.

составляли предатели, каратели и пособники немецко-фашистских оккупантов, а также выявленные агенты иностранных спецслужб.

По запросу Президиума ЦК КПСС МВД были представлены статистические данные об общем количестве репрессированных в СССР.

Статистические данные о количестве арестованных и осужденных по материалам органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ СССР в 1921–1953 гг.

По делам органов ВЧК – ОГПУ за 1921–1929 годы

Годы	Всего арестовано	За к/р преступления*	В т.ч. за антисоветскую агитацию	Другие преступления	Всего осуждено	В т.ч. к ВМН**
1921	200 271	76 820		123 451	35 829	9 701
1922	119 329	45 405		73 924	6 003	1 962
1923	104 520	57 289	5 322	47 231	4 794	414
1924	92 849	74 055		18 794	12 425	2 550
1925	72 658	52 033		20 625	15 995	2 433
1926	62 817	30 678		32 141	17 804	990
1927	76 983	48 883		28 100	26 036	2 363
1928	112 803	72 188		72 186	33 757	889
1929	162 726	132 799	51 396	29 927	56 220	2 109
Итого	1 004 966	590 148	56 718	414 810	208 863	23 391

* Имеются ввиду «контрреволюционные преступления» – ст. 58 УК РСФСР 1926 г. и аналогичные статьи уголовных кодексов союзных республик. Антисоветская агитация и пропаганда – статья 58–10 УК РСФСР.

** ВМН – «высшая мера наказания» – расстрел.

По делам органов ОГПУ – НКВД за 1930–1936 годы

Годы	Всего арестовано	За к/р преступления	В т.ч. за антисоветскую агитацию	Др. преступления	Всего осуждено	В т.ч. к ВМН
1930	331 544	266 679	?	64 865	208 069	20 201
1931	479 065	343 734	100 963	135 331	180 696	10 651
1932	410 433	195 540	23 484	214 893	141 919	2 728
1933	505 256	283 029	32 370	222 227	239 664	2 154
1934	205 173	90 417	16 788	114 756	78 999	2 056
1935	193 083	180 935	43 686	84 148	267 076	1 229
1936	113 168	91 127	32 110	40 041	274 670	1 118
Итого	2 225 722	1 379 461	249 401	876 261	897 690	40 137

По делам органов НКВД за 1937–1938 годы

Годы	Всего арестовано	За к/р преступления	В т.ч. за антисоветскую агитацию	Др. преступления	Всего осуждено	В т.ч. к ВМН
1937	936 750	779 056	234 301	157 694	790 685	353 074
1938	638 509	593 326	57 366	45 183	554 258	328 618
Итого	1 575 259	1 372 382	291 667	202 877	1 344 926	681 692

По делам органов НКВД – НКГБ – МГБ за 1939–1953 годы

Годы	Всего осуждено за к/р преступления	В т.ч. за антисо-агитацию по ст. 58-10	ВМН
1939	63 889	24 720	2 552
1940	71 695	18 371	1 649
1941	75 411	35 116	8 001
1942	124 406	61 625	23 278
1943	78 441	24 089	3 579
1944	75 109	14 130	3 029
1945	123 248	14 868	4 252
1946	123 294	15 512	2 896
1947	78 810	8 391	1 105
1948	73 269	8 496	
1949	75 125	14 768	
1950	60 641	13 191	475
1951	54 775	11 354	1 609
1952	28 800	6 348	1 612
1953 (1-е полу-годие)	8 403	3 246	198
Итого	1 115 427	274 125	54 235

При этом в отношении некоторых лиц подобные судебные и несудебные решения принимались неоднократно, в связи с чем реальное число осужденных несколько меньше числа принятых решений.

Всего же, согласно записке в ЦК КПСС «Об антиконституционной практике 30-х – 40-х и начала 50-х годов», подписанной секретарями ЦУ КПСС А.Н. Яковлевым, В.М. Чебриковым и председателем КГБ СССР В.А. Крючковым, за указанный период уголовным репрессиям в судебном и несудебном порядке (республиканскими и областными «тройками» и «Особым совещанием» при нарком/министрах внутренних дел и госбезопасности) было подвергнуто 3 778 234 человека, в том числе 786 098 человек были приговорены к расстрелу.

Из общего числа 1 115 427 осужденных за контрреволюционные преступления в период 1939 – первую половину 1953 гг. на годы Великой Отечественной войны приходятся 476 617 осужденных³.

Помимо этого были депортированы из мест постоянного проживания в 1939–1949 гг. (поляки, украинцы, немцы Поволжья, ингуши, чеченцы, карачаевцы, турки-месхитинцы, калмыки и представители иных национальностей) около 2 300 тысяч человек⁴.

На основании предложения Прокурора СССР Р.А. Руденко и министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова Президиумом ЦК КПСС в мае 1954 г. было принято решение об образовании Центральной комиссии по рассмотрению жалоб и ходатайств граждан, осужденных за «контрреволюционные» преступления, в которую входили работники прокуратуры, следователи, партийные работники. Эта комиссия была наделена правом пересмотра приговоров осужденным Коллегией ОГПУ, а также Особым Совещанием (ОСО) НКВД – МГБ СССР. Помимо этого, были образованы Выездные комиссии Президиума Верховного Совета СССР (всего их было образовано 97), наделенные правом объявления амнистии в отношении осужденных рядовых граждан и коммунистов, но не номенклатурных партийных работников.

Как докладывал Президиуму ЦК КПСС 29 апреля 1955 г. Прокурор СССР Р.А. Руденко, по результатам проведенной комиссиями работы были пересмотрены уголовные дела на 237

³ Подробнее см.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. М., 2000, с. 431–434; Реабилитация: Как это было. Март 1953 – февраль 1956. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том I. М., 2000, с. 76–77.

⁴ Реабилитация: Как это было. Середина 80-х годов – 1991 год. М., 2004, т. 3, с. 142–154. Подробнее см.: Хлобустов О.М. КГБ СССР: 1954–1991 гг. Тайны гибели Великой державы. М., 2012, с. 366–393.

412 осужденных граждан, при этом было отказано в смягчении наказания 125 202 проходившим по ним лицам.

В связи с выявленными в процессе пересмотра уголовных дел многочисленными фактами нарушений социалистической законности, в конце 1955 г. была образована специальная Комиссия Президиума ЦК КПСС во главе с секретарями ЦК П.Н. Поспеловым и А.Б. Аристовым для изучения и оценки деятельности органов НКВД – НКГБ – МГБ – МВД СССР в 30-е – 50-е годы,⁵ результаты работы которой и стали основой для подготовки доклада Н.С. Хрущева делегатам XX партийного съезда.

Подчеркнем и следующие важные обстоятельства: по вскрывавшимся в процессе пересмотра уголовных дел фактам, а также по результатам следствия в отношении высокопоставленных работников органов госбезопасности началось выявление и привлечение к ответственности лиц, непосредственно виновных в грубых нарушениях социалистической законности⁶.

14 февраля 1956 г. в Большом Кремлевском дворце начал свою работу XX съезд КПСС, ставший, в силу целого ряда причин, одной из рубежных дат в истории нашей страны в XX веке.

На съезде были обнародованы новые принципы внешней политики СССР. Принцип мирного сосуществования государств с различным социально-политическим устройством был конкретизирован констатацией возможности отказа от войн, их предотвращения. В то же время была отмечена неизбежность острой идеологической борьбы между двумя социальными системами – миром социализма и миром капитализма. Напомним, что Соединенные Штаты Америки в тот период во внешнеполитической сфере вполне официально руководствовались доктриной «отбрасывания коммунизма».

Следует особо подчеркнуть, что одобренные съездом основы внешней политики СССР не остались лишь политическими декларациями, а последовательно реализовывались в дипломатических и политических акциях советского правительства.

Нисколько не умаляя значения внешнеполитических инициатив Советского Союза, следует подчеркнуть, что наибольший политический резонанс за рубежом, а также оживленные, порой жесткие дискуссии и полярные оценки в нашей стране все же вызвали вопросы внутренней политики, в том числе связанные с разоблачением преступлений предыдущих десятилетий.

В Отчетном докладе ЦК КПСС съезду партии критика культа личности И.В. Сталина и породивших его ошибок в государственном строительстве и управлении прозвучала лишь в третьей части доклада, да и то достаточно обтекаемо. В частности, Н.С. Хрущев подчеркивал:

«— Опыт показывает, что малейшее ослабление социалистической законности враги Советского государства пытаются использовать для своей подлой, подрывной работы. Так действовала разоблаченная партией банда Берия, которая пыталась вывести органы государственной безопасности из-под контроля партии и Советской власти, поставить их над Партией и Правительством, создать в этих органах обстановку беззакония и произвола. Во враждебных целях эта шайка фабриковала лживые обвинительные материалы на честных руководящих работниках и рядовых советских граждан...

Центральный Комитет принял меры к тому, чтобы восстановить справедливость. По предложению Центрального Комитета невинно осужденные люди были реабилитированы. Из всего этого ЦК сделал серьезные выводы. Установлен надлежащий контроль Партии и Правительства за работой органов госбезопасности. Проведена значительная работа по укреплению

---

⁵ Подробнее о работе этой комиссии см.: Реабилитация: Как это было. Февраль 1956 – начало 80-х годов. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. М., 2003; Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002.

⁶ См., например, Смирнов Н.Г. Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х гг. М., 2014.

проверенными кадрами органов госбезопасности, суда и прокуратуры. Полностью восстановлен в своих правах и усилен прокурорский надзор.

Необходимо, чтобы наши партийные, государственные, профсоюзные организации бдительно стояли на страже советских законов, разоблачали и выводили на чистую воду всякого, кто посягнет на социалистический правопорядок и права советских граждан, сурово пресекать малейшее проявление беззакония и произвола.

Следует сказать, что в связи с пересмотром и отменой ряда дел у некоторых товарищей стало проявляться известное недоверие к работникам органов государственной безопасности. Это, конечно, неправильно и очень вредно. Мы знаем, что кадры наших чекистов в подавляющем своем большинстве состоят из честных, преданных нашему общему делу работников, и доверяем этим кадрам.

Нельзя забывать, что враги всегда пытались и будут пытаться впредь мешать великому делу построения коммунизма. Капиталистическое окружение засылало к нам немало шпионов и диверсантов. Наивным было бы полагать, что теперь враги оставят свои попытки всячески вредить нам. Всем известно, что подрывная деятельность против нашей страны открыто поддерживается и афишируется реакционными кругами ряда капиталистических государств. Достаточно сказать, что США выделяют, начиная с 1951 года, 100 миллионов долларов ежегодно для подрывной деятельности против социалистических стран⁷. Поэтому мы должны всемерно поднимать в советском народе революционную бдительность, укреплять органы государственной безопасности».

Однако, как свидетельствуют многие современники, в том числе и сам Владимир Ефимович, именно Н.С. Хрущев в немалой степени страдал «известным недоверием к работникам органов государственной безопасности».

В то же время в числе важнейших задач, сформулированных в отчетном докладе ЦК КПСС, требовалось: «Бдительно следить за происками тех кругов, которые не заинтересованы в смягчении международной напряженности, своевременно разоблачать подрывные действия противников мира и безопасности народов.

Принимать необходимые меры для дальнейшего укрепления оборонной мощи нашего государства, держать нашу оборону на уровне современной военной техники и науки, обеспечивающем безопасность нашего социалистического государства».

Не объявленный заранее в повестке работы и неожиданный для делегатов съезда доклад Н.С. Хрущева «О культе личности И.В.Сталина и его последствиях», сделанный 25 февраля, то есть уже после завершения его работы, и взорвал, и расколол советское общество, а затем – и международное коммунистическое движение. О чем также упоминается в мемуарах В.Е. Семичастного.

Следует, однако, сразу пояснить, что, несмотря на его закрытый – не для печати! – характер, текст доклада Хрущева после съезда в качестве закрытого документа ЦК КПСС в начале марта был разослан во все партийные организации и зачитывался на собраниях партийно-советского актива. Таким образом, с его содержанием познакомились десятки миллионов советских граждан. Был он, в несколько сокращенном варианте, отправлен для ознакомления и руководству зарубежных коммунистических партий. И именно по этой причине вскоре стал достоянием всего мира: в Варшаве его фотокопия, как стало впоследствии известно, обзорателем агентства ПАП Виктором Граевским (1925–2007) была передана сотруднику израильской «Службы общей безопасности» («ШАБАК»). А последняя вскоре поделилась ей с ЦРУ США.

---

⁷ Речь идет о законе США 165 «О взаимном обеспечении безопасности» от 10 октября 1951 г.

4 июня 1956 г. доклад был одновременно опубликован в США Государственным департаментом и газетой «Нью-Йорк таймс», а затем начал зачитываться в передачах контролирувавшихся ЦРУ радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа».

Позднее, в книге «Искусство разведки» (1963 г.), бывший директор Центрального Разведывательного Управления (ЦРУ) США Аллен Даллес писал: «Я всегда рассматривал это дело как одну из самых крупных разведывательных операций за время моей службы в разведке. Поскольку доклад был полностью опубликован госдепартаментом, добывание его текста было также одним из тех немногих подвигов, о которых можно было сказать открыто, лишь бы источники и методы приобретения документа продолжали оставаться тайной». (При этом он скромно умолчал, что текст доклада Хрущева был добыт не ЦРУ.)

Как вспоминал бывший в ту пору заместителем директора Центрального разведывательного управления Рей Клайн, «Выступление Хрущева стало событием исторического значения, ибо документировано обличив сталинизм как невиданных размеров политическое зло, он был вынужден перейти к более мягким формам тоталитарного управления страной»⁸.

Естественно, что многие положения доклада или их интерпретации начали активно использоваться в антисоветской и антикоммунистической пропаганде как за рубежом, так и в самом СССР, других социалистических странах, что привело к серьезным политическим кризисам осени 1956 г. в Польской Народной Республике и Венгерской Народной Республике.

А 25 февраля 1956 г., обращаясь к делегатам съезда, Н.С. Хрущев пророчески предрек:

– Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего, и для будущего партии.

Первый секретарь ЦК КПСС подчеркивал необходимость «серьезно разобраться и правильно проанализировать этот вопрос для того, чтобы исключить всякую возможность повторения даже какого-либо подобия того, что имело место при жизни Сталина, который проявлял полную нетерпимость к коллективности в руководстве и работе, допускал грубое насилие над всем, что не только противоречило ему, но казалось ему... противоречащим его установкам».

В период 1935–1938 годов, неслось с трибуны съезда, «сложилась практика массовых репрессий по государственной линии сначала против противников ленинизма, а затем и против многих честных коммунистов, против тех кадров партии, которые вынесли на своих плечах гражданскую войну, первые самые трудные годы индустриализации и коллективизации... Это привело к вопиющим нарушениям революционной законности, к тому, что пострадали многие совершенно ни в чем не виновные люди, которые в прошлом выступали за линию партии».

Хрущев информировал делегатов съезда, что рассмотрение ЦК КПСС в 1953–1955 годах ряда уголовных дел в отношении репрессированных лиц «обнаружило неприглядную картину грубого произвола, связанного с неправильными действиями Сталина». Признававшиеся «враги народа» в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т. п. не являлись... Но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения... Значительная часть этих дел сейчас пересматривается и большое количество их прекращается как необоснованные и фальсифицированные.

Достаточно сказать, что с 1954 г. по настоящее время Военная Коллегия Верховного Суда уже реабилитировала 7 679 человек, причем многие из них реабилитированы посмертно».

---

⁸ Цитируется по: Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. New-York, 1989, с. 242–244. Сразу оговорюсь, что автору, естественно, известна получившая популярность в нашей стране книга американского профессора Гровера Ферра (Furr Grover) «Антисталинская подлость» (в англоязычном варианте ее заглавие звучит даже более категорично: «Хрущев лгал!» («Khrutchev Lied»)). Однако не следует легкомысленно воспринимать на веру слова Г. Ферра о том, что «из всех утверждений «закрытого доклада» партии, разоблачавших Сталина или Берия, не оказалось ни одного правдивого». Но то, что можно объяснить и простить зарубежному автору, не может не удивлять у некоторых наших соотечественников.

Репрессии, массовые аресты, делал вывод докладчик, «нанесли огромный ущерб нашей стране, делу строительства социализма... Нам нужно решительно, раз и навсегда развенчать культ личности, сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической работы».

По докладу Н.С. Хрущева съезд поручил вновь избранному Центральному комитету КПСС «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности руководства».

Доклад Н.С. Хрущева, отмечал его современник, «произвел прямо-таки ошеломляющее впечатление. Сразу воспринять все сказанное было просто невозможно, настолько тяжелыми и неожиданными оказались впервые обнародованные факты столь масштабных нарушений законности и чудовищных репрессий... Нужно было как следует осмыслить все сказанное, понять, как такое могло произойти в социалистической стране.... В стратегическом плане выбранный курс был единственно верным, без него невозможно было здоровое развитие общества. Тактически же мы совершили серьезную ошибку, пойдя на этот шаг без соответствующего пропагандистского обеспечения... Огромные же массы советских людей оказались в положении без вины виноватых, испытывая чувство горького разочарования и опустошенности».

И для многих чекистов, пришедших на службу в органы НКВД в 1938–1941 гг., признания Н.С. Хрущева были трагическими, тяжелыми открытиями, которые не могли не вызывать смятения, тяжких и горестных дум и размышлений.

Увы, трагедия состояла еще и в том, что партийное руководство не продумало того, а что же должно последовать с его стороны за докладом о преступлениях предыдущей эпохи?

Вследствие этого Президиум ЦК КПСС, Хрущев утратили инициативу – Постановление ЦК о преодолении последствий культа личности Сталина появилось только 5 июля 1956 г., через месяц после того, как «секретный» доклад начал зачитываться в передачах радиостанций, вещавших на СССР и страны народной демократии на языках населяющих их народов...

Как вспоминал заместитель председателя КГБ при СМ СССР (1956–1959 гг.) генерал-полковник С.С. Бельченко, чекисты, имевшие пятнадцатилетний стаж службы были ошеломлены не менее других наших сограждан. Они обоснованно полагали, что за этим могли последовать серьезные события в стране. Как это и произошло, в частности, в Тбилиси, где 6 марта 1956 г. начались массовые протестные акции.

В этой связи в Тбилиси экстренно вылетела группа «ответственных работников», в том числе первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин, заместитель председателя КГБ С.С. Бельченко, заместитель министра внутренних дел СССР С.Н. Переверткин, что показывает, сколь серьезное значение Н.С. Хрущев придавал спровоцированному его же докладом событию.

К утру 8 марта Тбилиси оказался частично парализованным: толпы горожан направлялись на площадь, общественный транспорт блокировался, многие не вышли на работу, вовлеченные в бестолковый водоворот непонятных и непредсказуемых событий. Особенно активно на происходящую «несправедливость» и «попрание чувства национального достоинства» реагировала молодежь, многие годы воспитывавшаяся на примерах жизни «отца народов».

Собравшиеся на центральной площади горожане потребовали выступления первого секретаря ЦК Компартии Грузии «по вопросу текущей политики и в связи с решениями XX съезда». К чести Василия Павловича Мжаванадзе надо сказать, что, в отличие от других партийных работников, оказывавшихся в подобных непредвиденных чрезвычайных ситуациях, участник советско-финской и Великой Отечественной войн в 12 часов дня вышел к митингующим и начал с ними диалог с целью предупреждения эскалации напряженности и недопущения массовых беспорядков.

Понятно, что столь неординарная массовая политическая активность привлекает людей с разными целями и настроениями – от любопытствующих и зевак до карманников и авантюристов всех мастей, в том числе политических, а также людей, считающих себя «обойденными», «пострадавшими», всех недовольных или считающих себя кем-то или чем-то обиженными⁹.

Порой разливающие при массовом скоплении народа волны возбуждения, эйфории и кажущегося единомыслия выносят подобных авантюристов, провокаторов и «правдоискателей»-разоблачителей на самый гребень событий, превращая их в «факиров на час».

А в подогреваемой алкогольными, а ныне – и наркотическими, парами толпе уже начинают повсюду работать чисто психологические *механизмы подражания, возбуждения, заражения*, ведущие к появлению чувства эйфории и безнаказанности, снижению уровня критичности и самоконтроля, чреватые вовлечением в противоправные и даже преступные действия.

9 марта, вспоминал С.С. Бельченко, отдельные ораторы, окрыленные достигнутыми накануне «уступками», стали выдвигать политические требования – от отставки республиканских и союзных властей до выхода Грузии из состава СССР; вполне понятно, что последний бредовый призыв никак не мог получить поддержки в то время. В то же время отдельные личности выкрикивали и призывы – от «Бить армян!» до «Вон отсюда русских!».

В ночь на 10 марта группа демонстрантов попыталась захватить здание телеграфа, где для отражения нападения было применено оружие. В ходе этого спровоцированного столкновения, по данным МВД Грузии, 22 человека погибли (включая семерых раненных, скончавшихся в больницах) и 54 человека были ранены. За участие в массовых беспорядках было задержано 375 человек (39 из них впоследствии были осуждены).

10 марта внутренние войска и войска Северо-Кавказского военного округа восстановили в городе обычный порядок, омраченный произошедшей накануне трагедией...

Принятое только в июле постановление ЦК КПСС «О преодолении последствий культа личности Сталина», («Правда» 5 июля 1956 г.) имело достаточно противоречивый характер, не отвечало в полной мере на многие актуальные вопросы, что не могло не породить как разного рода слухи, так и недоумение, что искусно стимулировалось, инспирировалось и использовалось западной радиопропагандой. Именно половинчатость принятых партийных решений и породила в интеллектуальных кругах общества дискуссию о сталинизме и путях дальнейшего общественного развития, что стало лейтмотивом, главной темой духовно-творческих исканий, причиной появления в последующие годы «демократического» и «правозащитного» движений в Советском Союзе.

Начатая докладом Н.С. Хрущева дискуссия о судьбе и путях развития социализма привела, как известно, к возникновению острых политических кризисов в Польше и Венгрии в октябре 1956 г.

Еще одним непосредственным итогом непродуманных, волюнтаристских решений стало то, что под лозунгом «исключить возможность возврата к 1937 году», в нарушение конституционного принципа равенства граждан перед законом, правоохранительным органам – прокуратуре, МВД и КГБ было *запрещено получать* компрометирующие материалы на представителей партийно-советской номенклатуры. Правда, подобное решение принималось еще и ранее, в декабре 1938 г., но тогда номенклатура не могла чувствовать себя в безопасности перед грозными очами генсека ЦК ВКП(б) И.В. Сталина.

⁹ Подробнее см.: Попов А.Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. Бельченко Сергей Саввич (1902–2002), генерал-полковник. В Красной Армии с 1924 г., с 1927 г. – в пограничных войсках ОГПУ, принимал участие в боях с басмачами. С ноября 1939 г. – заместитель, начальник Белостокского управления НКВД Белорусской ССР. С июня 1941 г. – заместитель начальника особого отдела Юго-Западного фронта. С мая 1942 г. – начальник Западного штаба партизанского движения, с 1943 г. – заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения. В 1943–1953 гг. – народный комиссар/министр госбезопасности Белорусской ССР. С 1957 г. – заместитель председателя КГБ СССР. С 1959 г. – в отставке.

Это ошибочное, а также *антиконституционное, противоправное политическое решение* 1956 г. положило начало росту коррупции, зарождению организованной преступности в стране, ибо вывело значительные контингенты лиц, наделенных административными властно-распорядительными, контрольными и хозяйственными полномочиями, из-под контроля не только органов КГБ СССР, но и всех правоохранительных органов.

С одной стороны, создавая некое подобие касты «неприкасаемых», оно в то же время, способствовало зарождению «телефонного права», получившего особое распространение в середине 80-х – 90-х годов прошлого века. С другой стороны, это решение и его реализация на практике облегчали зарубежным спецслужбам попытки вербовочных подходов и оперативной разработки партийно-государственных функционеров различного ранга. Вследствие чего руководящая элита страны оказалась без должного контрразведывательного прикрытия от разведывательно-подрывных устремлений и воздействия спецслужб иностранных государств. А в совокупности оно имело самые негативные последствия для судьбы страны и советского государства.

В то же время нельзя забывать, что в международных отношениях это был период «холодной войны», когда Соединенные Штаты Америки небезосновательно видели в лице Советского Союза главного геополитического конкурента, выдвигавшего альтернативную концепцию цивилизационного развития, а в области внешней политики откровенно руководствовались доктриной «отбрасывания коммунизма» (официально она была провозглашена президентом Д. Эйзенхауэром 14 февраля 1953 г.). Однако далеко не всегда разработанные КГБ при СМ СССР предложения находили поддержку у членов Президиума ЦК КПСС.

Как информировал ЦК КПСС (Н.С. Хрущева) в июне 1957 г. председатель КГБ И.А. Серов, «За последние три года органами госбезопасности при активной помощи советского народа были пойманы на советской территории десятки шпионов, проникавших нелегальным путем (морем, воздухом, через сухопутные границы), у которых были изъяты радиостанции, оружие, фотоаппараты, средства тайнописи, яды, фиктивные документы и значительные суммы советских денег и иностранной валюты. По изъятым у этих шпионов документам и по их личным показаниям, а также по материалам, полученным нами из других источников, видно, что разведки капиталистических государств всеми силами стремятся добывать сведения о наших вооруженных силах, о новой технике и достижениях советской науки, пытаются проникнуть в важные промышленные центры страны и объекты оборонного значения и атомной промышленности.

Наряду с заброской специально обученной агентуры на территорию Советского Союза, вражеские разведки принимают активные меры к сбору разведывательных данных через своих разведчиков, прибывающих в СССР под видом дипломатов, туристов и членов различных делегаций.

В этих целях они используют не только поездки по стране, но и новейшую технику, рассчитанную на добычу секретных данных большой государственной важности.

С тем чтобы сорвать разведывательные планы противника, органы госбезопасности принимают необходимые меры к пресечению шпионской деятельности вражеских разведчиков, а также к выдворению из СССР дипломатов-разведчиков»¹⁰.

Здесь будет уместно привести фрагменты выступления заместителя директора ЦРУ Дэвида Коэна перед старшекурсниками Корнелльского университета (Итака, штат Нью-Йорк) в начале сентября 2015 г. В нем он подчеркивал, что агентурная разведка «всегда была сердцем деятельности ЦРУ. Технические средства разведки не являются столь же эффективными, поскольку они не в состоянии предугадать намерения человека или правительства».

¹⁰ Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник. Документы. М., 2003. М., с. 690–691.

Если смотреть в будущее, констатировал Дэвид Коэн, то остается мало сомнений в том, что агентурная разведка будет продолжать играть главную роль в раскрытии планов, мотивов действий, намерений и возможностей растущего множества наших государственных и негосударственных противников. На самом деле значение агентурной разведки в процессе сбора разведывательных данных различными методами будет только расти¹¹.

В той же записке в ЦК КПСС председатель КГБ СССР Серов отмечал: «В своих разведывательных целях американская разведка использует многочисленные эмигрантские организации, в том числе т. н. «Национальный трудовой союз» (НТС), «Организацию украинских националистов» (ОУН) и другие антисоветские организации.

Направляя антисоветские эмигрантские организации на борьбу против СССР и стран народной демократии, американская разведка затрачивает огромные средства на их содержание. Как известно, США ежегодно ассигнуют более 100 млн. долларов для подрывной деятельности против социалистических стран...

Организуя подрывную работу против Советского Союза, американская разведка рассчитывает на использование отдельных вражеских элементов внутри нашей страны и создание с их помощью антисоветского подполья.

Органы госбезопасности за последние три года вскрыли ряд антисоветских групп, проводивших подрывную работу и поддерживавших связь с некоторыми иностранными посольствами в Москве.

В условиях обострения международной обстановки и разгула реакции в странах империализма, оживления антинародной деятельности контрреволюционных элементов в некоторых странах народной демократии, капиталистические разведки усилили враждебную деятельность против Советского Союза, широко используя в этих целях все имеющиеся у них возможности, в том числе и разного рода шпионско-эмигрантские центры...

Враждебные действия и враждебная пропаганда разведок капиталистических государств вызвали надежду на восстановление капиталистического строя у скрытых врагов социализма, которые после венгерских событий несколько оживились и активизировали свою деятельность... ведут работу против партии, используя в этих целях неустойчивых и политически незрелых лиц из числа рабочих, интеллигенции, молодежи, призывая их к борьбе против советской власти...

Органы госбезопасности с помощью партийных, комсомольских и профсоюзных организаций бдительно следят за происками враждебных элементов и, в соответствии с законами советской власти, своевременно пресекают их преступные действия».

Понятно, что «тон» в международном разведывательном сообществе, противостоявшем СССР, задавали спецслужбы ведущей западной сверхдержавы – Соединенных Штатов Америки, имевшие как собственную агрессивно-наступательную внешнеполитическую доктрину, так и астрономические государственные ассигнования на проведение тайных зарубежных операций.

Разведывательные возможности США в 1952 г. были значительно увеличены за счет создания Агентства национальной безопасности (АНБ), ответственного за радиотехническую разведку. США развернули сеть военных баз у границ Советского Союза, с позиций которых проводилась непрерывная техническая, авиационная и агентурная разведка территории СССР и его союзников.

В конце 50-х годов в посольстве США в Москве создается полноценная резидентура ЦРУ взамен ранее действовавшей *оперативной группы*.

---

¹¹ Иванов В. Что ждет парней с «виргинской фермы» // Независимое военное обозрение, М., 2015, № 36, 2–8 октября.

Американское справочно-информационное издание «Центральное разведывательное управление» (1986 г.) так раскрывало содержание и назначение деятельности этих подразделений разведки:

«*Резидентура* – это подразделение ЦРУ в столице иностранного государства. Резидент – глава резидентуры, кадровый сотрудник ЦРУ, работает под прикрытием в американском посольстве. Он руководит работой оперативных работников, аналитиков и оперативно-технического персонала. Кроме того, резидент осуществляет контроль за выполнением заданий Центра и за своевременной отчетностью.

Главная задача его руководства состоит в том, чтобы уметь вдохновить людей на выполнение опасных и трудных задач, требующих от каждого нечеловеческих усилий, – другими словами, возглавить работу по выявлению наиболее засекреченных и тщательно охраняемых государственных тайн страны пребывания, а также сведений, которые нельзя получить с помощью подслушивающей аппаратуры или во время официальных дипломатических приемов, в библиотеке или с помощью прессы и которые можно добыть только через завербованных, идейно преданных источников или посредством различных технических методов получения информации.

Основная деятельность резидента ЦРУ заключается в сборе и анализе информации, свидетельствующей о намерениях той или иной страны причинить ущерб, либо каким-либо другим образом отрицательно сказаться на наших интересах в важных районах, либо даже угрожать безопасности США.

Доступ к такой информации имеет ограниченный круг лиц, и, следовательно, если секретные сведения и фиксируются на бумаге или на магнитной ленте, то они хранятся в наиболее скрытых и тщательно охраняемых тайниках противника. Поэтому резидент должен всегда идти на риск. Это требует постоянной, иногда сверхчеловеческой бдительности...

Лучшие резиденты ЦРУ имеют многолетний опыт оперативной работы».

Следует отметить, что работа в СССР и Москве считалась в ЦРУ не только наиболее ответственной, требовавшей самого высокого уровня подготовки и оперативного мастерства разведчиков, но и наиболее сложной и опасной вследствие эффективной работы советской контрразведки.

Однако вряд ли можно говорить о том, что степень реальности и масштабности угрозы разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб были адекватно восприняты и оценены тогдашним руководством страны, даже несмотря на явные успехи и достижения КГБ СССР в противоборстве с ней. И.А. Серову не хватало авторитета и интеллекта, что убедить членов Президиума ЦК КПСС задуматься о смысле, назначении и стратегии как «холодной войны», так и адекватных мерах противодействия враждебным замыслам против нашей страны. Объективности ради нельзя также не сказать и о том, что нечто подобное повторилось в нашей стране и на рубеже 1990-х годов прошлого века, горькие плоды чего мы пожинаем и поныне.

Преемникам И.А. Серова на посту Председателя КГБ при СМ СССР – А.Н. Шелепину и В.Е. Семичастному – эти качества были присущи еще в меньшей степени.

Хотя еще в 1955 г. авторы Большой Советской энциклопедии в статье «Агентурная разведка» подчеркивали: «Наряду со шпионажем А.[гентурная].р[азведка]. капиталистических государств занимается также экономической, политической и идеологической диверсией» (Т. 1, с. 291–292).

А заместитель директора ЦРУ Рэй Клайн впоследствии признавал: «Ученым известно, что судьбы народов формируются комплексом трудно улавливаемых социальных, психологических и бюрократических сил. Обычные люди, чья жизнь – к худу ли, к добру ли – зависит от игры этих сил, редко понимают это, разве что смутно и весьма поверхностно. Одной из таких сил с начала 40-х годов стала разведка». В декабре 1947 г., признавался он, «Совет националь-

ной безопасности возложил на ЦРУ проведение тайных операций и акций психологической войны, хотя этой задачи не было указано в законе о его образовании, принятом двумя месяцами ранее»¹².

В свете сказанного трафаретно-шаблонно звучат сегодня слова из Отчетного доклада ЦК КПСС Внеочередному XXI съезду партии (27 января – 5 февраля 1959 г.): «Надо укреплять органы госбезопасности, острие которых, прежде всего, направлено против агентуры, замыслов империалистических государств».

О реализации партийных установок XX съезда и постановления «О преодолении последствий культа личности Сталина» И.А. Серов докладывал в ЦК КПСС в июне 1957 г. следующее: в КГБ: «...были приняты меры к очищению чекистских кадров от лиц, не внушающих политического доверия, нарушителей социалистической законности, от карьеристов, выполнявших вражеские установки, морально неустойчивых и малограмотных работников.

Из органов госбезопасности было уволено более 18 тыс. человек как неспособных обеспечить выполнение поставленных перед органами КГБ задач. В том числе более 2.300 сотрудников за нарушение советской законности, злоупотребление служебным положением и аморальные проступки.

Кроме того, за дискредитацию органов госбезопасности 40 бывших ответственных работников органов госбезопасности были лишены генеральских званий.

Большую помощь в укреплении Комитета госбезопасности кадрами оказали ЦК КПСС и местные партийные органы, направившие на руководящую работу в органы госбезопасности 554 партийных и советских работника.

Из центрального аппарата Комитета госбезопасности было уволено около 2 тыс. сотрудников, из них значительное количество за нарушение советской законности и по служебному несоответствию. Из числа уволенных 48 являлись начальниками отделов и выше. Заменены почти все руководящие работники главных управлений, управлений и отделов центрального аппарата. На эти должности более 60 человек направлены ЦК КПСС с руководящей партийной и советской работы...

В 1955 г. штатная численность органов была дополнительно сокращена на 7 678 единиц и 7 800 офицеров переведено на положение рабочих и служащих...».

Эти цифры и факты надо сопоставить со словами Семичастного о том, что именно Шелепин начал «чистку» органов КГБ от «бериевцев». Но добавим при этом, что оба преемника Серова – и Шелепин, и Семичастный – могли и просто не знать, не интересоваться подобными фактами, что целесообразно иметь в виду при чтении мемуаров.

В той же записке в ЦК КПСС И.А. Серов отмечал, что в результате предпринятых мер «Значительно улучшился качественный состав кадров органов госбезопасности. В настоящее время около 80 процентов сотрудников имеют высшее и среднее образование... Внимание всего руководящего состава и партийных организаций органов госбезопасности в настоящее время направлено на воспитание сотрудников в духе беспредельной преданности Коммунистической партии и ее Центральному Комитету, на привитие оперативным работникам высокой дисциплины, самоотверженности при выполнении специальных заданий, на постоянное совершенствование их чекистского мастерства, необходимого для борьбы с врагами нашей Родины»¹³.

Нельзя не сказать и еще об одной важной новации в деятельности органов КГБ СССР. Весной 1958 г. начальник Управления КГБ при СМ СССР по Ленинградской области Н.Р. Миронов¹⁴ направил письмо Н.С. Хрущеву, в котором предлагал расширить применение в

---

¹² Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. New-York, 1988, с. 15, 166–167.

¹³ РГАНИ. Ф. 2, Оп. 1, Д. 224, л. 58–68.

¹⁴ Миронов Николай Романович (1913–1964) – советский партийный и государственный деятель, участник Великой Оте-

деятельности органов безопасности мер профилактического воздействия в отношении лиц, совершавших политически вредные проступки вследствие недостаточной политической грамотности. Эти предложения нашли понимание и поддержку у тогдашнего заведующего Административным отделом ЦК КПСС А.С. Желтова (курировал Вооруженные Силы, МВД и КГБ при ЦК КПСС), Н.С. Хрущева, первого заместителя председателя КГБ П.И. Ивашутина¹⁵ и И.А. Серова.

В приказе КГБ при ЦК КПСС от 15 июня 1959 г. № 00225 «О применении мер профилактического воздействия в отношении лиц, совершивших незначительные правонарушения» разъяснялось, что «профилактические меры – это личное воздействие сотрудника органов госбезопасности либо воздействие через общественные организации, печать или радио на лицо, в отношении которого принято решение предупредить его о недопустимости дальнейших анти-советских действий».

25 декабря 1958 г. новым председателем КГБ при ЦК КПСС, вместо назначенного начальником Главного разведывательного управления (ГРУ) И.А. Серова, стал Александр Николаевич Шелепин (1918–1994). Ему было 39 лет, что, безусловно, не является недостатком, но только в том случае, если возраст сочетается с личными интеллектуальными и организаторскими достоинствами, профессиональным и жизненным опытом. А Шелепин вряд ли обладал этим необходимым для утверждения авторитета руководителя набором качеств: до этого дня он 14 лет проработал на различных аппаратных должностях в комсомоле, в том числе с 1943 г. – секретарем Центрального комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического Союза молодежи, с 1952 г. – первым секретарем ЦК ВЛКСМ. И лишь полгода – с апреля по декабрь 1958 г. – он занимал должность заведующего отделом ЦК КПСС по союзным республикам.

Его жизненный опыт и особенности служебной карьеры предполагали в большей мере не проявление самостоятельности мышления и действий, инициативы и творчества, а лишь умение *организовывать исполнение* полученных указаний. Но это и учитывалось Хрущевым при выборе кандидатуры руководителя органов госбезопасности, на посту которого он хотел иметь функционера, безропотно выполняющего любые партийные решения. Что и определило «стиль» работы нового председателя, даже не стремившегося глубоко вникать в суть важнейшей функции государственного управления. Так что вряд ли можно говорить об обоснованной целесообразности подобного кадрового решения, однако оно создавало иллюзию полного «партийного контроля» над «госбезопасностью».

В день назначения А.Н. Шелепина Председателем КГБ при ЦК КПСС 25 декабря 1958 г. произошло еще одно событие, имевшее важнейшее значение для функционирования этого ведомства: Верховным Советом СССР были приняты *Основы уголовного законодательства и Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик*.

Первый из названных документов, ставший основой для разработки новых уголовных и уголовно-процессуальных кодексов союзных республик СССР, вводил *понятие и систему особо опасных и иных государственных преступлений*. Статья 28 Основ уголовного судопроизводства СССР определяла подследственность уголовных дел по особо опасным и иным

чественной войны, генерал-майор. В 1945–1951 гг. на партийной работе на Украине, с 23 августа 1951 г. – заместитель начальника управления военной контрразведки МГБ – КГБ при ЦК КПСС. В 1956–1959 гг. – начальник УКГБ по Ленинградской области. С 30 мая 1959 г. – заведующий Административным отделом ЦК КПСС, курировавшим Вооруженные Силы, МВД и КГБ при ЦК КПСС. Погиб в авиакатастрофе 19 октября 1964 г., направляясь в Белград в составе правительственной делегации.

¹⁵ Ивашутин Петр Иванович (1909–2002) – генерал армии (1971), Герой Советского Союза (1985). В органах военной контрразведки с января 1939 г. С марта 1943 г. – начальник управления контрразведки «СМЕРШ» Юго-Западного, затем 3-го Украинского фронтов, с 1945 г. – на руководящей работе в органах безопасности. С 7 июня 1954 г. – заместитель, с 24 января 1956 г. – первый заместитель КГБ при ЦК КПСС. С 18 марта 1963 г. – начальник ГРУ Генерального штаба. Подробнее см.: Хлобутов О. Петр Ивашутин: Жизнь отдана разведке. М., 2016.

государственным преступлениям следственным подразделениям КГБ СССР. Непосредственно компетенция КГБ в сфере правоприменения определялась уголовными и уголовно-процессуальными кодексами союзных республик СССР (новые Уголовные кодексы были введены в действие с 1 января 1961 г.). В соответствии со статьей 126 УПК РСФСР 1960 г. к компетенции (подследственности) органов КГБ были отнесены 18 составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР. В том числе: измена Родине (статья 64 УК РСФСР), шпионаж (ст. 65), террористический акт (статьи 66 и 67), диверсия (ст. 68), антисоветская агитация и пропаганда (ст. 70), организационная антисоветская деятельность (ст. 72), вредительство (ст. 73), разглашение государственной тайны (ст. 75) и утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 76), контрабанда (ст. 78) массовые беспорядки (ст. 79), незаконный переход государственной границы (ст. 83), незаконные валютные операции (ст. 88). И еще по 15 составам преступлений была предусмотрена альтернативная подследственность совместно с органами прокуратуры.

Еще одной чрезвычайно важной новацией для деятельности органов государственной безопасности стало утверждение 9 января 1959 г. Советом министров и ЦК КПСС *Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах*, ставшее основным нормативно-правовым документом до принятия 16 мая 1991 г. закона «Об органах государственной безопасности СССР».

Данное Положение, имевшее гриф «Совершенно секретно», в частности, гласило:

«1. Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства по защите Социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственной границы СССР. Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства....

3. Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС.

Комитет госбезопасности при СМ СССР несет ответственность за обеспечение государственной безопасности в стране и систематически отчитывается о всей проводимой им работе перед ЦК КПСС и Советом Министров СССР, а местные органы КГБ – соответственно перед ЦК компартий союзных республик, крайкомами, обкомами, горкомами, райкомами партии и Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР.

(...)

5. Комитет государственной безопасности возглавляет председатель, который утверждается ЦК КПСС и назначается Президиумом Верховного Совета СССР. Заместители председателя Комитета утверждаются ЦК КПСС и назначаются Советом Министров Союза ССР.

6. Председатель Комитета, заместители председателя в пределах своей компетенции издают приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР...

7. На Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его местные органы возлагаются:

а) разведывательная работа в капиталистических странах;

б) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведывательных органов, зарубежных антисоветских центров и с их агентурой внутри страны;

в) борьба с вражеской деятельностью антисоветских и националистических элементов внутри СССР;

г) контрразведывательная работа в Советской Армии, ВМФ, ГВФ, в пограничных войсках и войсках МВД с целью предупреждения проникновения в их ряды агентуры иностранных разведок и иных вражеских элементов;

д) контрразведывательная работа на специальных объектах, особо важных объектах промышленности и на транспорте;

е) охрана государственных границ Союза ССР;

ж) охрана руководителей Партии и Правительства;

з) организация и обеспечение Правительственной связи;

и) организация радиоконтрразведывательной работы и учет необходимых данных о действующих на территории страны ведомственных радиостанций;

к) разработка мобилизационных планов по развертыванию органов госбезопасности и войсковых частей Комитета и выполнение других поручений ЦК КПСС и Правительства Союза ССР...».

Статья 12 Положения гласила:

«Органы государственной безопасности во всей своей деятельности должны строго соблюдать социалистическую законность. Они обязаны использовать все предоставленные им законом права, чтобы ни один враг Советского государства не уклонился от заслуженной кары и чтобы ни один гражданин не подвергся необоснованному привлечению к ответственности. Должны сурово пресекаться нарушения социалистической законности и произвол как действия, посягающие на социалистический правопорядок и права советских граждан. Органы государственной безопасности обязаны непосредственно и через соответствующие организации принимать меры предупредительного характера в отношении тех советских граждан, которые допускают политически неправильные поступки в силу своей недостаточной политической зрелости.

Надзор за следствием в органах госбезопасности осуществляется Генеральным прокурором СССР и подчиненными ему прокурорами в соответствии с Положением о прокурорском надзоре в СССР».

Руководители и партийные организации органов и войск КГБ обязывались воспитывать своих сотрудников «в духе партийной принципиальности, беззаветной преданности Коммунистической партии и социалистической Родине, в духе бдительности, честного отношения к делу и строжайшего соблюдения социалистической законности. Партийные организации проводят партийно-политическую и организационную работу и обеспечивают развитие деловой критики и самокритики. Партийные организации и каждый коммунист имеют право, руководствуясь уставом КПСС, сигнализировать о недостатках в работе органов государственной безопасности в соответствующие партийные органы».

Заканчивался текст Положения словами:

«Работники государственной безопасности, облеченные высоким доверием Коммунистической партии и советского народа, должны с честью выполнять возложенную на них почетную задачу по обеспечению государственной безопасности социалистической Родины».

В одном из интервью В.Е Семичастный подчеркивал: «Со времен Шелепина органы слишком изменились в сторону либерализации. Резко сократили аппарат, упразднили почти всех уполномоченных по районам, кроме пограничных и портовых городов. Прежней силы мы уже не имели и на нее не претендовали... Хрущев и Политбюро держали органы на расстоянии, еще сказывались события, связанные с Берией. И мы сами не очень стремились вникать в такие дела, потому что понимали: наша задача другая...».

Даже сторонний наблюдатель, каковым, правда, являлся весьма информированный работник аппарата ЦК КПСС, отмечал, что «Хрущев низвел КГБ до уровня обычного министерства, его председатель А.Н. Шелепин не был даже кандидатом в члены Президиума ЦК,

нередко выслушивал упреки «старших товарищей» по партии, которые он не мог профессионально грамотно парировать»,¹⁶ что подтверждается и автором воспоминаний.

Речи Шелепина были проникнуты партийным пафосом бывшего комсомольского функционера и содержали тривиальные призывы и критические замечания. Многие функции фактического руководства КГБ непосредственно лежали на его заместителях.

Если при Серове у председателя КГБ при СМ СССР было 6 заместителей, то летом 1959 г., в русле начатой «перестройки», Шелепин сократил их число до трех. При этом первым заместителем председателя КГБ остался П.И. Ивашутин. Двумя другими заместителями стали председатель КГБ Белоруссии А.И. Перепелицын и заместитель заведующего Административным отделом ЦК КПСС В.С. Тикунов, ранее не имевший отношения к работе в правоохранительных органах. А.И. Перепелицын также не был «опытным профессионалом», начав свою чекистскую карьеру только в апреле 1954 г. сразу с должности заместителя председателя КГБ при СМ Белорусской ССР.

Столь кардинальная замена руководства в ведомстве, находящемся на передней линии «холодной войны», то есть замена опытных профессионалов недостаточно компетентными «варягами», вряд ли может считаться оптимальным кадровым решением Президиума ЦК КПСС. Таким образом, основное повседневное руководство деятельностью оперативных подразделений КГБ объективно ложилось на П.И. Ивашутина.

В мае 1959 г. состоялось второе всесоюзное совещание руководящего состава органов КГБ. Как сообщала газета «Правда», в его работе приняли участие Секретарь ЦК КПСС А.И. Кириченко, министр обороны СССР Р.Я. Малиновский, председатель Верховного Суда СССР А.Ф. Горкин, министр внутренних дел И.П. Дудоров, ответственные работники ЦК КПСС и Совета министров, Прокуратуры РСФСР и СССР¹⁷.

Продолженная А.Н. Шелепиным кампания «чисток» и сокращений не лучшим образом сказывалась как на результатах оперативно-следственной работы органов КГБ, так и на морально-психологическом климате в чекистских коллективах, порождая у сотрудников горькие чувства неудовлетворенности, недооценки важности, общественно-политической значимости и сложности их работы по обеспечению безопасности государства и его граждан.

Тем не менее выступая 26 октября 1961 г. на XXII съезде КПСС, А.Н. Шелепин подчеркивал:

«Идеологи империализма открыто провозглашают, что в борьбе за мировое господство подрывная деятельность их разведок призвана сыграть видную роль. Правящие круги империалистических держав активно и цинично используют разведывательные органы в своей политике, придавая ей все более зловеший и провокационный характер...

Советский Союз и другие социалистические страны – это главный объект для империалистических разведок. Засылая в нашу страну своих агентов, они широко используют для шпионажа и сбора разведывательной информации наши все более расширяющиеся международные связи, и особенно туристические.

Не имея среди советского народа социальной базы для подрывной работы, они пытаются обрабатывать отдельных неустойчивых в политическом и моральном отношении наших граждан в антисоветском духе, вербовать их в качестве своих агентов, идут на всякого рода ухищрения и провокации, осуществляют диверсии на идеологическом фронте.

Учитывая все это, органы КГБ сосредотачивают свои главные усилия на разоблачении и решительном пресечении действий вражеских разведок. Эта борьба станет тем успешнее, чем выше будет бдительность советских людей, чем активнее они будут помогать органам безопасности, чем решительнее и беспощаднее вся наша общественность будет выступать против

---

¹⁶ Бурлацкий Ф.М. Хрущев и его советники – красные, черные, белые... М., 2002, с. 328.

¹⁷ Всесоюзное совещание руководящих работников органов государственной безопасности. Правда, 19 мая 1959 г.

фактов политической беспечности, благодушия и ротозейства.... Святая обязанность советских людей – надежно хранить партийную, государственную и военную тайну. Само собой разумеется, что не должны допускать в наших рядах шпиономании, сеющей подозрительность и недоверие среди людей.

В США очень модным сейчас является термин «разведывательный потенциал»... Но это «секретное американское оружие», образно говоря, разбивается о моральный потенциал нашей страны, о монолитное единство советского народа, его горячий патриотизм и высокую революционную бдительность».

Далее, приведя ряд фактов нарушения законности, в частности при проведении следствия, председатель КГБ заявлял, что «В органах госбезопасности полностью ликвидированы извращения в работе и нарушения социалистической законности. Решительными мерами ЦК КПСС и Советского правительства с этим покончено навсегда. Тяжкие злоупотребления, процветавшие в период культа личности, никогда, никогда не повторятся в нашей стране, в нашей партии.

Органы государственной безопасности реорганизованы, значительно сокращены, освобождены от несвойственных им функций, очищены от карьеристских элементов. На работу в них партия направила большой отряд партийных, советских и комсомольских работников. Комитет государственной безопасности и его органы на местах имеют сейчас хорошо подготовленные, грамотные, беспредельно преданные партии и народу кадры, способные успешно решать сложные задачи обеспечения государственной безопасности нашей страны.

Вся деятельность органов КГБ проходит теперь под неослабным контролем Партии и Правительства, строится на полном доверии к советскому человеку, на уважении его прав и достоинства.

Никто сейчас не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут наказанию иначе, как по приговору суда...

Чекисты опираются на народ, тесно связаны с трудящимися, с широкой советской общественностью. Органы государственной безопасности – это уже не пугало, каким их пытались сделать в недалеком прошлом враги – Берия и его подручные, а подлинно народные политические органы нашей партии в прямом смысле этого слова. Исключительно большую роль в деятельности органов КГБ играют партийные организации, которые заняли достойное, подобающее им место во всей нашей работе.

Теперь чекисты могут с чистой совестью смотреть в глаза партии, в глаза советского народа. Принципиально новым в работе органов государственной безопасности является то, что наряду с усилением борьбы с агентурной работой вражеских разведок они стали широко применять предупредительные и воспитательные меры в отношении тех советских граждан, кто совершает политически неправильные поступки, порой граничащие с преступлением, но без всякого враждебного умысла, а в силу своей политической незрелости или легкомыслия. Это является, на мой взгляд, одной из форм участия органов КГБ в обеспечении воспитательной функции социалистического государства...

Советские чекисты понимают свою большую ответственность перед партией и народом, полны стремления и дальше под руководством партии всемерно укреплять органы государственной безопасности, оттачивать их острие, направленное против происков империалистических держав и их разведок...».

Как мы уже отмечали ранее, слова Шелепина о расширении роли профилактики в деятельности органов КГБ полностью соответствовали действительности.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 13 ноября 1961 г., в связи с избранием А.Н. Шелепина секретарем ЦК КПСС, председателем КГБ был назначен Владимир Ефимович Семичастный.

А.Н. Шелепин, писал о нем бывший заместитель начальника ПГУ КГБ В.А. Кирпиченко, по общему впечатлению сотрудников КГБ, чувствовал себя на посту председателя человеком временным и не пустил глубоких корней в Комитете. А его преемник В.Е. Семичастный еще далеко не сформировался как государственный деятель, в нем было больше комсомольского задора, чем политической мудрости.

Через 2 недели после назначения Семичастного председателем КГБ при СМ СССР, президент США Джон Фиджеральд Кеннеди заявил на церемонии открытия нового здания штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли 28 ноября 1961 г.: «О ваших успехах никогда не говорят, а о ваших неудачах трубят повсюду. Ясно, что вы не можете говорить о тех операциях, которые идут хорошо. Те же, которые идут плохо, обычно говорят сами за себя». Президент США подчеркнул: «Я уверен, что вы понимаете, как важна ваша работа и как высоко будут оценены в далеком будущем ваши усилия».

К моменту назначения В.Е. Семичастного председателем КГБ СССР, он имел в своей структуре:

Первое Главное управление (ПГУ, разведка за границей – начальник А.М. Сахаровский);

Второе Главное управление (ВГУ, контрразведка – О.М. Грибанов);

Третье Главное управление (военная контрразведка – А.М. Гуськов);

Седьмое управление (наружное наблюдение – В.И. Алидин);

Восьмое Главное управление (шифровально-дешифровальное – С.Н. Лялин);

Девятое управление (охрана руководителей партии и правительства – В.Я. Чекалов);

Следственный отдел (Н.Ф. Чистяков);

Главное управление пограничных войск (ГУПВ – П.И. Зырянов);

Отдел правительственной связи (П.Н. Воронин).

В целом названная структура раскрывает функции и задачи этого государственного ведомства.

Как руководители органов безопасности страны, находящейся в состоянии «холодной войны», Семичастный и Шелепин оставили, мягко выражаясь, не слишком «добрую память» о себе у сотрудников КГБ.

По свидетельствам современников, В.Е. Семичастный ограничивался административной работой, не испытывал потребности ни в углублении специальных знаний, ни во внедрении научных достижений в организацию оперативно-служебной деятельности органов КГБ.

При Семичастном, согласно известной поговорке о «новой метле», что отражает распространенную практику «утверждения нового стиля руководства», произошел ряд изменений в руководстве Комитета госбезопасности.

Первым заместителем председателя КГБ при СМ СССР остался генерал-полковник П.И. Ивашутин (это звание Петру Ивановичу было присвоено 18 февраля 1958 г.). Именно он фактически руководил операциями советской разведки и контрразведки и, в частности, контрразведывательным обеспечением «Стратегического оперативного мероприятия „Анадырь“», как в материалах Генерального штаба и министерства обороны СССР именовалось создание советской военной базы на Кубе в июне – октябре 1962 г.

Парадоксальным образом Семичастный в своих мемуарах даже не упоминает об операции ЦРУ США «Мангуста», целью которой являлось свержение правительства Фиделя Кастро на Кубе¹⁸.

Возможно, читателей заинтересует судьба двух ключевых фигур «Карибского кризиса», лишь вскользь упомянутых Владимиром Ефимовичем.

¹⁸ Подробнее см.: Хлобустов О. Государственная безопасность от Хрущева до Путина. СПб., 2016, с. 76–85.

Полковник ГРУ Георгий Никитович Большаков (1922–1989) с 1941 по 1943 год находился в Действующей армии, был помощником начальника разведотдела дивизии. В 1943–1946 гг. обучался в Высшей разведшколе ГРУ, а в 1946–1950 гг. – в Военно-дипломатической Академии (ВДА). В 1951–1955 и 1959–1962 гг. находился в служебных командировках в США.

После возвращения – по просьбе американской стороны: ему не была прощена «неискренность» в контактах с Р. Кеннеди, причиной которой была позиция советского руководства, – в СССР в декабре 1962 г. его «делом» занялась специальная комиссия министерства обороны. Комиссия пришла к выводу, что никаких претензий к Георгию Никитовичу быть не может и что он безупречно выполнял свой служебный долг.

После увольнения из ГРУ Г.Н. Большаков работал главным редактором журнала «Советский Союз».

«Фомин» – Феклисов Александр Семенович (1914–2007), полковник. В органах госбезопасности с 1939 г., в 1940–1974 гг. – сотрудник ПГУ. Работал в легальных резидентурах в Нью-Йорке (1941–1946 гг.), Лондоне (1947–1950), Вашингтоне (1960–1964). Во время командировки в Лондон Феклисов был руководителем, по зарубежной терминологии – «оператором» Клауса Фукса.

С 1968 г. – заместитель начальника Краснознаменного института ПГУ КГБ. Его переговоры с неофициальным представителем президента США Дж. Скали помогли выяснить позицию администрации США в Карибском кризисе, получить от имени президента Дж. Кеннеди «официальные гарантии», которые строго исполнялись администрацией США.

В 1996 г. Александр Семенович Феклисов был удостоен звания Героя Российской Федерации. Автор воспоминаний «За океаном и на острове» (М., 1996) и «Признание разведчика» (М., 1999). Подробно о своих переговорах с Дж. Скали Феклисов рассказывает в первой из названных книг.

По нашему мнению, главный итог Карибского кризиса для всего мира состоял в том, что руководящие круги США внезапно осознали, что в мире появилась вторая *сверхдержава* – Советский Союз – и что отныне Вашингтону предстоит планировать, готовить и осуществлять свои внешнеполитические акции именно с учетом данного факта, с оглядкой на мнения и позицию СССР.

А это требовало пересмотра всей внешнеполитической доктрины США.

Официально новая внешнеполитическая доктрина США была провозглашена новым президентом США Линдоном Джонсоном 23 мая 1964 г... Ее официальной целью провозглашалось стремление к «ослаблению международной напряженности и устранение опасностей, связанных с „холодной войной“ между государствами, придерживающимися различных идеологий». Однако подлинной задачей стратегии «наведения мостов» являлось «функциональное проникновение в советскую систему».

Однако в своих мемуарах Семичастный не уделил должного внимания этому чрезвычайно важному вопросу. Также он даже не упомянул о появившейся в марте 1963 г. книге бывшего директора ЦРУ Алена Даллеса «The Craft of Intelligence» (не вполне корректный устоявшийся русский перевод: «Искусство разведки», хотя более верным было бы ее назвать «Мощь разведки»).

Она была адресована политическому истеблишменту западного мира и была призвана разъяснить смысл и назначение «тайной войны» против СССР.

«Начиная с 1946 г., – уверял Даллес не слишком искушенного западного читателя, – Советский Союз даже не старался делать вид, будто бы является нашим другом...». При этом он сам признавал: «мы не находимся „в мире“ с коммунистическими странами и не находились с тех пор, как коммунизм объявил войну нашему образу государственного управления и жизни» (здесь и далее цитируется издание 1964 г. издательства «Прогресс», имевшее ограни-

чительный гриф «Рассылается по особому списку», именно с ним и познакомился председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный).

Не будем, однако, удивляться парадоксальному «незнанию» шефа ЦРУ о мирных внешнеполитических инициативах Советского Союза 1956–1963 годов, ибо они не вписывались в создаваемый им облик «империи зла»!

Ну не мог же он сообщать о том, что еще 30 марта 1954 г. СССР предложил НАТО рассмотреть вопрос о его приеме в этот военно-политический союз во имя достижения единственной цели – поддержания мира на Европейском континенте! И лишь 7 мая того же года из Парижа, где тогда находилась штаб-квартира НАТО, последовал категорический отказ от советского предложения. Тогда через год в столице Польши и родилась Организация Варшавского договора.

Конечно, откуда да и зачем западному читателю Даллеса нужно было знать о стратегии «мирного сосуществования и соревнования двух социально-политических систем», выдвинутой XX съездом КПСС в 1956 г.?!

В то же самое время, оправдывая право США на превентивные действия, ныне утверждающееся под названием «гуманитарной интервенции», примеры чего весь мир видел в марте 1999 г. в Сербии и в 2003–2008 годах в Афганистане и Ираке, в 2014–2016 гг. в Сирии, Даллес откровенно писал: «Мы же со своей стороны должны много делать и немало делаем для того, чтобы укрепить позиции слабых стран и не дать коммунистам возможности захватить их в свои руки. Безусловно, мы не можем ограничиваться лишь оборонительными действиями; в ряде случаев *мы берем инициативу в свои руки* (выделено мной. – О.Х.), заставляя коммунистов отступать и таких случаев должно быть больше».

Во многих случаях, скромно признавался Даллес, «в гораздо большем числе, чем это известно, у нас были успехи, причем некоторые из них существенные. Однако, пожалуй, еще не время афишировать эти действия или те средства, которые были использованы».

Выделим для читателя следующий крайне важный для понимания философии действия американской разведки фрагмент сочинения бывшего шефа ЦРУ: «*Мы сами должны определять, когда, где и каким образом мы должны действовать* (надо полагать, при поддержке других ведущих стран свободного мира, которые смогут оказать помощь), учитывая при этом требования нашей собственной национальной безопасности... Важную роль должны сыграть разведывательные службы с их особыми методами и средствами. *Это нечто новое для нынешнего поколения, тем не менее весьма важное для успеха дела*».

Отметим, что писалось это всего лишь через 2 года после провала высадки антиправительственного десанта кубинских «контрас» на Кубе в заливе Кочинос и через год после последующего провала операции ЦРУ «Мангуста», также предполагавшей инспирирование антикастровского восстания, что самым наглядным образом демонстрировало, какого именно рода «действия» имелись ввиду экс-директором ЦРУ США.

Раскрывая глобальный характер разведки, ведущейся США, А. Даллес подчеркивал: «В наши дни разведка вынуждена вести постоянное наблюдение во всех районах мира, независимо от того, к чему привлечено в данный момент внимание дипломатов или военных... *Обязанность разведки, – предупредить о возникающих опасностях так, чтобы правительство могло принять должные меры.* В поисках информации теперь уже нельзя ограничиваться рамками лишь некоторых стран. Ареной нашего конфликта является весь мир... Наше правительство должно быть заблаговременно предупреждено и вооружено. Бдительность разведки, заблаговременное предупреждение ею об опасности уже само по себе могло бы явиться одним из наиболее эффективных средств сдерживания воинственных аппетитов потенциального противника... Разведывательный анализ должен проводиться по всем странам, где могут оказаться затронутыми наши интересы... Естественно, для нас может иметь значение политическая, эко-

номическая и социальная обстановка в различных странах. *Обязанность разведки – объявлять тревогу до того, как ситуация приобретает кризисный характер».*

Гораздо важнее рецепты от Даллеса по спасению западного мира:

«К активным средствам против этой угрозы относится, во-первых, провозглашаемая нами внешняя политика, полную ответственность за которую несут Государственный департамент и президент.

Во-вторых, занимая оборонительную позицию, можно убедить свободный мир, что мы и наши союзники достаточно сильны и готовы решительно ответить на советские военные угрозы....

Третьим позитивным фактором является вклад, который вносит разведывательная служба. Она должна:

1) своевременно предоставлять правительству информацию о том, в каких странах коммунисты наметили начать подрывные действия;

2) внедрять агентуру в важные структуры их подрывного аппарата... предоставлять правительству анализ используемых средств, а также данные о доверенных лицах противника, проникших в состав правительства;

3) помогать странам свободного мира, насколько это возможно, в создании собственных оборонительных структур против инфильтрации коммунистов и заблаговременно предупреждать правительства этих стран о характере и размерах угрозы, а также оказывать поддержку их службам безопасности.

В тех случаях, когда это возможно, мы должны помогать правительствам, попавшим в подобного рода ситуации, и поддерживать их стремление к сопротивлению и уверенность в том, что они смогут выстоять против тоталитаризма....

Как только нам предоставится возможность оказать помощь, мы оказываем ее и поддерживаем стремление свободных стран к сопротивлению. И делаем это задолго до того, как коммунисты сумеют проникнуть в правительственные круги и процесс демонтажа строя станет необратимым....

Западные разведки должны приступать к выполнению своих задач значительно раньше, чем этим займутся военные структуры, то есть когда подрывные акции Советов еще только готовятся... Для того чтобы мы приступили к активным военным действиям, нам необходимо располагать надежными разведывательными данными о заговоре и заговорщиках и иметь под рукой требуемые средства для открытых или скрытых контрмер».

Порассуждав на тему «определенных рамок применения силы», которое должно быть «санкционировано на высшем политическом уровне», то есть президентом США, Даллес в то же время подчеркивал: *«мы сами должны определить, когда, где и каким образом нам действовать, по возможности, вместе с другими ведущими государствами свободного мира, готовыми оказать такую поддержку».*

Однако, к чести В.Е. Семичастного, следует отметить, что когда, в канун приближающегося очередного юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной Войне, к нему обратились 40 ветеранов-чекистов с письмом о пересмотре приговоров осужденным ранее руководителям зафронтовой работы НКВД – генералам П.А. Судоплатову и Н.И. Эйтингону,¹⁹

---

¹⁹ Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996), генерал-лейтенант. В органах госбезопасности с 1921 г., с 1933 г. – сотрудник Иностранного отдела (разведки) НКВД СССР. С 6 ноября по 2 декабря 1938 г. выполнял обязанности начальника ИНО. В дальнейшем – заместитель начальника разведки НКВД – НКГБ. Начиная службу в органах ВЧК еще в 20-е годы, а перейдя позднее в ИНО, он неоднократно выезжал в заграникомандировки, в том числе нелегально. С началом Великой Отечественной войны П.А. Судоплатов возглавляет Особую группу при наркомате, в январе 1942 г. преобразованную в IV управление НКВД СССР, которое организовывало всю зафронтовую работу органов безопасности. После войны продолжал службу на руководящих должностях в МГБ – МВД СССР. 21 августа 1953 г. П.А. Судоплатов был арестован «как участник дела Берии и его банды» и в 1956 г. осужден на 15 лет лишения свободы. Освобожден из заключения 21 августа 1968 г. Полностью реабилитирован в 1992 г. Эйтингон Наум Исаакович (1899–1981), генерал-майор. В органах ВЧК с мая 1920 г., с 1924 г. – в ИНО

он направил в ЦК КПСС совместное с генеральным прокурором СССР Р.А. Руденко заключение об отсутствии препятствий для их освобождения. Однако ЦК КПСС остался глух к этому обращению ветеранов войны.

Семичастный, утверждая, что «у КГБ не было никогда никаких «психушек»», забыл только упомянуть, что «Инструкция о порядке применения принудительных мер психиатрического характера в отношении психически больных, совершивших преступления», действовавшая до конца 1980-х годов, была принята в 1954 г. А процессуальный же порядок ее применения определялся статьей 58 УК РСФСР 1960 г.

Обратим также внимание на утверждение В.Е. Семичастного о том, что в годы его руководства «арестов по политическим мотивам» (имея в виду под этим иные, вполне конкретные *формы преступной деятельности* — «Организационную антисоветскую деятельность» (ст. 72 УК РСФСР) и «Антисоветскую агитацию и пропаганду» (ст. 70 УК)) «почти не проводилось». Что подталкивает читателя к мысли, о том, что они якобы были в последующие годы. Чтобы предоставить читателю возможность самостоятельно оценить объективность автора мемуаров в данном вопросе, ограничимся приведением сухих данных уголовной статистики.

Справка 5 управления КГБ СССР в ЦК КПСС о количестве лиц, осужденных по статьям 70 и 190-1 УК РСФСР

(№ 5/5 – 167 от 4 марта 1988 г.)²⁰

Статистические сведения о числе лиц, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, за период с 1956 по 1987 гг.

год	осуждено по		год	осуждено по	
	ст.70	ст.190		ст.70	ст.190
	УК РСФСР			УК РСФСР	
1956	384		1976	5	55
1957	1 964		1977	6	54
1958	1 416		1978	12	44
1959	750		1979	4	65
1960	162		1980	35	67
Всего	4 676		Всего	62	285
1961	207		1981	39	88
1962	323		1982	26	69
1963	341		1983	44	119
1964	181		1984	25	57
1965	20		1985	16	57
Всего	1 072		Всего	150	390
1966	48		1986	11	17
1967	38	65	1987	1	6
1968	54	75			
1969	72	123			
1970	83	121			
Всего	295	384			
1971	66	102			
1972	68	115			
1973	73	105			
1974	47	131			
1975	22	74			
Всего	276	527	Всего	6 543	1 609

Поправим только ряд некорректностей данного документа.

Во-первых, до 1960 г. антисоветская агитация и пропаганда подпадала под действие статьи 58–10 УК РСФСР 1926 г. Во-вторых, имеются в виду также статьи об ответственности за

ОГПУ. По линии разведки работал в Китае, Турции, Испании. С июля 1941 г. – заместитель П.Л. Судоплатова. В августе 1953 г. арестован как «пособник Берии», осужден на 12 лет лишения свободы. Освобожден в августе 1964 г. Реабилитирован посмертно в 1992 г.

²⁰ Архив Президента Российской Федерации Фонд 3. Оп. 108. Д. 523, л. 27–34. Подлинник. Подробнее см.: Феномен Андропова: 30 лет из жизни Генерального секретаря ЦК КПСС. М., 2013, с. 387–402.

антисоветскую агитацию и пропаганду уголовных кодексов других союзных республик, аналогичные статье 70 УК РСФСР 1960 г., что касается также и статьи 190.1. В-третьих, под «статьей 190» авторами справки подразумевалась статья 190.1 – «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», введенная в Уголовный кодекс Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 г.

Как легко может убедиться читатель, за 8 лет руководства госбезопасностью А.Н. Шелепиным и В.Е. Семичастным к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду были привлечены 1 234 человека, тогда как за 15 лет руководства КГБ СССР Ю.В. Андроповым к уголовной ответственности по статье 70 были привлечены 474 и по статье 190.1 – 373 человека, то есть почти в два раза меньше. Всего же за тридцать семь с половиной лет существования КГБ по его материалам к уголовной ответственности было привлечено 25 095 человек. При этом в 1954–1959 гг. по статье 58 УК РСФСР (1926 г.) и аналогичным статьям уголовных кодексов республик СССР были осуждены 9 406 человек. В 1960–1990 гг. по более чем 18 составам преступлений, отнесенных к подследственности органов КГБ СССР, были осуждены 14 689 человек, 5 483 из них – за особо опасные государственные преступления.

Не более состоятельно и заявление Семичастного о «подчинении Андропову» якобы трех мотострелковых дивизий. Данный факт действительно имел место, но только в 1991 г., но это уже была, по сути дела, иная историческая эпоха.

С нескрываемой обидой Семичастный пишет о мотивах и поводе его «перевода на другую работу» с поста председателя КГБ. Но есть и иная версия этих событий. Владимир Ефимович довольно подробно рассказывает, как ряд подразделений КГБ под его личным руководством обеспечивал, можно сказать, оперативно обеспечивал бесконфликтную передачу власти новому Первому секретарю ЦК КПСС в октябре 1964 г.

Некоторые историки трактуют эти события как «заговор против Хрущева», для чего по форме, безусловно, имеются основания. Но, если исходить из примата коллегиальности в принятии партийных решений, являвшегося одним из главных принципов государственного управления, провозглашенных XX съездом КПСС, то на эти события можно взглянуть и под иным углом зрения. На бюрократическом языке работников кадровых аппаратов это всегда именовалось «проработкой вопроса», что означало его обсуждение, в том числе и согласование с «заинтересованными инстанциями», принятие соответствующего кадрового решения.

Но, как бы ни трактовались события, предшествовавшие октябрьскому Пленуму ЦК КПСС (1964 г.), бесспорной остается вовлеченность в них ряда высших руководителей КГБ. Но этот якобы *«выход за пределы компетенции» органов КГБ*, на наш взгляд, корреспондирует с пунктом «К» статьи 7 Положения о КГБ, в котором прямо говорилось о выполнении *«других поручений ЦК КПСС и Советского правительства»*.

В.Е. Семичастный пишет, что поводом его смещения со столь полюбившегося ему поста председателя КГБ явился якобы отказ дочери Сталина С.И. Аллилуевой вернуться в СССР из Индии и просьба о предоставлении ей политического убежища в США.

Однако есть и иные обстоятельства, которые представляются весьма существенными и также имеющими фактическое подтверждение в литературе.

Речь идет об уже отмечавшемся нами участии А.Н. Шелепина и В.Е. Семичастного в подготовке смещения с должности первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева.

Суть дела состоит в том, что в начале мая 1967 г. Семичастный в присутствии одного из своих заместителей на даче А.Н. Шелепина обратился к последнему с шутивым вопросом:

– А не пора ли нам, Александр Николаевич, повторить Октябрь 1964 года? (Имелось в виду смещение Н.С.Хрущева с занимаемого им поста на Пленуме ЦК КПСС 14 октября.)

Содержание этой беседы было немедленно доведено до сведения «кого следует» – благо, возможности для этого имелись, после чего незамедлительно последовали соответствующие и известные нам «оргвыводы»:

18 мая 1967 г. неожиданно для него и без объяснения причин решением Политбюро ЦК КПСС В.Е. Семичастный был снят со своего поста и в тот же вечер руководству Лубянки был представлен новый председатель КГБ при СМ СССР Юрий Владимирович Андропов.

Олег Хлобустов,
*член Общества изучения
Истории отечественных спецслужб*

От автора

Я часто слышу: «Ваша жизнь – это сама история страны. Вам надо рассказать о ней в книге». Действительно, события прошлых лет, свидетелем или участником которых мне довелось быть, представляют сегодня очевидный интерес хотя бы с точки зрения сохранения у соотечественников исторической памяти. Особенно это важно для молодежи, которая смутно помнит о том, что в мире существовала великая держава – Союз Советских Социалистических Республик.

Большая часть моей жизни была отдана работе с молодежью – комсомолу. Для меня комсомол значил все. Я человек, которого он по сути создал и сделал государственным и партийным деятелем. Там я набрался немалого опыта, научился работать с кадрами, вооружился знаниями, необходимыми для руководства людьми. Нас учили быть честными, любить свою Родину. Помните, как в песне: «Раньше думай о Родине, а потом о себе!»

Сейчас заигрывают с молодыми. Но как? Всюду мелькает: «Нынешнее поколение выбирает «пепси»!» Но молодость молодости рознь. Главное, что у тебя за плечами, что в голове, ради чего бьется сердце и горит душа, какую закваску ты получил в начале пути. «Пепси» – не та основа, которую следует закладывать в умы молодым.

Молодые люди пятидесятых-шестидесятых годов с большим энтузиазмом участвовали во всех делах государства. Сейчас их участие, по существу, свелось на нет. Юноши и девушки стали опасно апатичными, их не интересует общественная жизнь. Больше привлекает то, к чему их приучили за последние годы: нажива, обогащение, личное благополучие. То, что раньше считалось постыдным, недозволенным – разврат, наркотики, рэкет, разбой, теперь стало заурядным делом.

Когда я работал в комсомоле, мощный отклик молодежи на интересную инициативу, идущую на пользу государству, был в порядке вещей и считался гражданским долгом. Не было никакой принудителки, как теперь болтают в средствах массовой информации, а был патриотический порыв.

Если сейчас обратиться к молодежи и призвать ее на какие-то трудовые или ратные подвиги, ответит ли она на этот призыв? Боюсь, только считанные единицы. Сегодня молодежь не только не хочет идти в армию, она прячется от армии, и в этом ей помогают родители. Трудно положиться на такую молодежь. Мы проиграем любое сражение с серьезным противником. Мы уже проиграли «холодную войну», проиграли первую чеченскую войну. Мы отдали на растерзание нашу великую Родину и по сценарию, разработанному за океаном, продолжаем крушить все и вся, уступать наши богатства, принадлежащие всему народу, людям бессовестным, жадным, нечистоплотным. Мы разрешаем управлять нами неграмотным, равнодушным ко всему, кроме своего кармана, лицам. Мы проигрываем в спорах даже с теми, кто предъявляет нам необоснованные претензии.

Наш народ унижен. Молодежь, лишенная идеалов, поддержки и защиты, увязла в безыдейном болоте, и мало надежды на то, что она скоро выберется из него. Нынешние молодежные организации демонстрируют полную беспомощность. Они малочисленны и мало известны, их руководители неопытны и часто небескорыстны.

Государственные мужи мало интересуются будущим нашей молодежи, ее образованием, профессиональным уровнем, а значит, не интересуются будущим России.

У наших юношей и девушек почти нет выбора. Если они не хотят жевать жвачку, прилюдно обнажаться, «тусоваться», не хотят «рекламной» жизни, а тяготеют к жизни духовной, то куда им идти? И тысячи молодых людей идут в расплодившиеся по всей России секты.

Пока нет у молодежи спайки, пока нет объединяющего и цементирующего ее центра, остается только ждать и надеяться, что молодые прозреют, изменится их сознание, у них

появятся новые лидеры. А нам, старшему поколению, – лишь показывать им: вот, ребята, смотрите, как было раньше.

Не все можно взять из прошлого. Мы, комсомольцы, были вполне законопослушны и, бесспорно, во всем руководствовались решениями партии.

Это в определенной степени мешало молодым кадрам мыслить самостоятельно, отстаивать свое мнение, проявлять инициативу.

Иной раз приходит в голову мысль, что во всем происходящем сейчас с нашим народом повинны и партийное, и комсомольское руководство последних десятилетий Советской власти. Приучив народ поменьше думать и рассуждать, принимать государственную заботу как нечто совершенно естественное, как должное, мы разоружили людей, сделали из них иждивенцев. Думали, что так будет всегда, что за это не надо бороться. И не уберегли свои идеалы.

Сегодня такие «сантименты», как забота государства о каждом человеке, выброшены за борт.

Но народ этого не понимает и все еще чего-то ждет. Подобная общественная пассивность – тоже наша вина.

В том виде, в каком существовал комсомол, он, конечно, уже существовать не сможет. Нужно найти новые формы объединения молодых, которые освободили бы их от колоссального давления «новой» идеологии, отрицающей все то великое, что сделала молодежь в боях за Отечество и на гигантских стройках страны, лишаящей сегодняшних юношей и девушек патриотических традиций, и открыли бы перед ними новые возможности духовного и профессионального роста. Пропаганда славных комсомольских дел отцов и дедов должна быть одной из задач патриотических средств массовой информации.

В наши дни много говорится о мерах по выводу России из экономического кризиса. Но разве можно возродить страну без участия в этом процессе молодежи?

Сейчас существует острая необходимость создания молодежных объединений. В этой связи в Госдуме и в местных органах власти необходимо принять законодательные акты, дающие юридическую основу для создания молодежных союзов на предприятиях, в учебных заведениях, в армии, научных центрах и на селе. Молодежным организациям важно иметь государственную поддержку и помощь, и тогда молодежь скажет свое веское слово в борьбе за спасение своей Матери-Родины.

Начало пути

В моем паспорте в графе «национальность» записано: «украинец». Паспортист, выдавший мне документ, рассудил, видимо, так: раз парень родился и живет на Украине, учился в украинской школе, говорит, пишет и читает по-украински, следовательно, он – украинец. Я не мог тогда знать, какую роль сыграет это обстоятельство в моей судьбе, и потому не возражал.

Так я стал единственным украинцем в нашей многодетной русской семье.

Моя мать Домна Ивановна и мой отец Ефим Кириллович Семичастные – уроженцы Тульской губернии, из крестьян. Они поженились очень молодыми и вскоре после свадьбы уехали на юг России на заработки.

Вначале отец работал подсобным рабочим на мельнице, вальцовщиком, а затем освоил профессию мукомола и стал хорошим «мирошником» – мельником. Был он не очень грамотным: окончил всего три класса церковно-приходской школы.

Поскольку семья была большая – у моих родителей было одиннадцать детей, трое из которых умерли в раннем возрасте, – мать не работала и целиком занималась семьей. Писать и читать она научилась сама уже в зрелом возрасте.

В начале Первой мировой войны семья переехала в небольшое село Григорьевка Межевского района Днепропетровской области, где я и родился.

Я родился, можно сказать, дважды. По-настоящему, в первый раз – 1 января 1924 года дома, как все мои братья и сестры. Отец в это время куда-то уехал на заработки, и мать, спустя несколько дней после родов, пошла регистрировать меня в сельсовет.

Однако сельсоветовский бюрократ потребовал личного присутствия отца с документами. Пришлось ждать его возвращения. Когда мать с отцом пришли в сельсовет во второй раз и сообщили чиновнику, что младенцу уже две недели, тот заявил в ответ: «Вы мне можете говорить, что угодно. Но вы пришли 15 января, и я напишу „15 января“». Вот так я «родился» второй раз – уже 15 января. Так и в паспорте записано.

Я был последним крещеным членом нашей семьи. До моего рождения семья придерживалась православной веры. В доме висели иконы. Обе бабушки ходили в церковь.

Все изменилось в год моего появления на свет: в январе 1924 года умер Владимир Ильич Ленин. Партия призвала к массовому вступлению в ее ряды. Отец откликнулся на этот призыв и стал коммунистом. Это не было результатом глубокого изучения марксистской теории и его идейной убежденности. Просто отец посчитал, что Родина в нем нуждается, и сделал этот важный для себя шаг.

После вступления в партию отец сказал матери, что икон в доме больше не будет. О моем крещении он не знал или сделал вид, что не знает. Но в церковь меня не водили. Божьи заповеди, религиозные догмы я не изучал. Я не могу сказать, что я был «воинствующим безбожником» и отрицал религию потому, что она отвергалась коммунистами. Я просто не имел о ней представления так же, как и тысячи людей, родившихся в мое время или позже. Нас воспитывали иначе. Религия была мне совершенно чужда. У меня была своя вера, которая имела свою атрибутику, своих апостолов-вождей, свою иерархию.

Когда мне было пять лет, семья переселилась на станцию Удачная Межевского района Донецкой (тогда Сталинской) области. Отец как партийный «выдвиженец» был назначен заведующим мельницей.

Такие мельницы строились немцами на Украине вдоль железных дорог еще при царе. Расплачивались за них по договору мукой. Мельницы были добротные, в пять-шесть этажей, хорошо оборудованные. На территории размещались большие склады, элеватор и жилье для управляющего и других работников. Вокруг домов посажены фруктовые деревья. Это были своего рода оазисы в глухом деревенском бездорожье.

В весенне-осеннюю хлябь провезти муку с мельницы на станцию, расположенную в ложбине, было почти невозможно – не пропускало вязкое черноземное месиво.

Тогда на Украине проживало много немцев. Во всем Советском Союзе их насчитывалось около двух миллионов. В автономной республике на Волге – примерно двести тысяч. Остальные разбросаны по всему Союзу. В Красноармейском районе было несколько немецких колоний.

В Удачной, недалеко от мельницы, располагалась немецкая колония. Там был хороший колхоз «Роте Фане» («Красное знамя»), в котором выводили лошадей и где работала своя небольшая мельница. Оттуда отец и взял к себе мирошником Клейна.

Мы дружили с этой немецкой семьей, часто ходили друг к другу в гости. Сын Клейна Миша был моим другом. У Клейнов был хороший сад и прекрасные цветы. Я помню, что мать Миши умела извлекать кончиком языка любую соринку из глаза. Однажды она таким образом извлекла маленькую стружку из глаза моего брата.

Заведующему мельницей полагалось заботиться о благоустройстве своего хозяйства. По инициативе отца около мельницы построили спортивную площадку, организовали спортивные кружки, устраивали праздничные обеды в саду на 1 Мая и 7 Ноября.

В Удачной я пошел в школу. Здесь мы пережили и тяжелый 1934 год. На Украине в то время был сильный голод. Люди падали и умирали прямо на улице. Однако мы жили на мельнице, а здесь всегда находились мука, крупа и подсолнечное масло.

Относительно всего остального, например, одежды или обуви, дело обстояло намного хуже. Идти в школу в дождь по вязкой грязи без резиновых сапог было просто невозможно. В доме была одна пара сапог, которой мы с братьями поочередно пользовались. Одежда у нас также переходила от старших к младшим. Нелегко было родителям с одной зарплатой содержать такую большую семью.

Именно в это голодное время в наш дом пришла беда. В этот год прекратился подвоз зерна из колхозов на мельницу в связи с неурожаем. Нечем было расплачиваться с рабочими, которым по договору нужно было платить половину деньгами и половину – натурой.

Отец решил выдать рабочим положенный заработок остатками муки и отрубей, которые были на мельнице. У него не было на это разрешения сверху, и кто-то написал донос «куда следует». Отца решили судить. Ему грозило 10–15 лет тюрьмы за «разбазаривание государственного имущества и использование служебного положения».

Мне тогда было уже 10 лет, и я хорошо помню тот день.

В небольшом помещении, набитом до отказа рабочими, проходило открытое заседание суда. Мать выглядела подавленной: что она будет делать одна с восемью детьми?

На суде отец заявил, что он получит необходимые оправдательные документы, если ему позволят поехать в мукомольный трест. Судьи удовлетворили его просьбу, и суд был отложен. Вскоре отец привез требуемые бумаги, дело было прекращено, и мы вздохнули с облегчением. Но оставаться на мельнице отец не захотел, и мы уехали из Удачной в город Гришино (позже Красноармейск) Донецкой области.

Отец стал работать в профсоюзах, а со временем – в торговых организациях. На семью времени постоянно не хватало. Он приходил с работы после партийных или профсоюзных собраний поздно вечером, приносил с собой газеты и принимался изучать политические вопросы. Отец был усердным, настойчивым, историю партии начинал изучать раз десять, но до конца он ее, к сожалению, так и не осилил.

За всем в семье следила мать. Мы, как могли, помогали ей. По сложившейся традиции старшие дети ухаживали за младшими.

Воспитанием детей занимались, главным образом, школа, детские и молодежные организации.

Я учился в школе для детей железнодорожников. Порядки там несколько отличались от обычной школы. В то время железные дороги были как бы государством в государстве. Они даже имели свои учебные заведения. Как-то в наш город заехал нарком путей сообщения Лазарь Моисеевич Каганович. Руководство школы воспользовалось этим случаем и направило к нему делегацию учеников с просьбой построить новую школу. Вскоре она действительно была построена. Это было не очень большое здание, без залов, но с хорошо оборудованными учебными кабинетами. В каждом классе стояла кафедра, за которой восседал учитель – как в институте!

Преподавательский коллектив был подобран в основном из мужчин, особенно в старших классах. Работа в таких школах привлекала учителей тем, что здесь им давали форменную одежду, бесплатный проезд, уголь для отопления, квартиры были лучше, чем в обычных городских школах. Многие учителя пришли к нам сразу после института – комсомольцы и молодые партийцы. Комсомольская организация тогда была единой, и молодые учителя состояли на учете в школьном комитете. Образовался хорошо спаянный коллектив комсомольцев-преподавателей и комсомольцев-учеников. Он с успехом обеспечивал высокую успеваемость, порядок и дисциплину в школе.

В 1939 году я стал членом Коммунистического союза молодежи и вскоре был избран секретарем комитета комсомола. Это было новшество, так как до этого во главе комсомольской организации школы стояла учительница – освобожденный секретарь, которой платили заработную плату. Однако теперь эту практику отменили.

Мне необходимо было выполнять все школьные задания и успевать с моими комсомольскими делами. Предыдущий освобожденный секретарь был членом педсовета, и эта его обязанность перешла ко мне. У меня в школе был даже свой рабочий кабинет.

Я уходил в школу в восемь часов утра и возвращался не раньше девяти вечера. Учился на «отлично». Правда, были некоторые сложности с немецким языком, но когда в десятом классе нам дали учителя-немца, дело поправилось.

В 1940 году «Пионерская правда» объявила игру «На штурм», и наша школа включилась в нее. Руководил проведением игры наш военрук, а помогали ему командиры из военкомата. Весь ученический коллектив был преобразован в батальон. Каждый класс представлял собою взвод. Был свой штаб, свой политотдел, свои комиссары.

Начиная с пятого класса все учились маршировать, стрелять из мелкокалиберных винтовок, изучали топографию. Девушки проходили медицинскую подготовку. Дело доходило до смешного: когда я шел по коридору, учащиеся должны были со мною здороваться по-военному: я был командиром батальона.

В моих руках сосредоточилась определенная власть, подчас равносильная власти директора школы. Поэтому часто родителей учеников, которые нарушали дисциплину или плохо учились, приглашали не к учителю или директору, а в «политотдел», где с ними разговаривали ученики старших классов, так называемые «политработники». А в особо серьезных случаях их направляли прямо ко мне.

Авторитет школы стремительно возрос, успеваемость резко повысилась. Директор приходил на заседания штаба, комсомольские собрания, советовался с нами по самым разным вопросам, в том числе и по финансовым. Все порядки устанавливались при нашем непосредственном участии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.